

УДК 82

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВСЕВОЛОДОМ СОЛОВЬЁВЫМ
ЛИЧНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ОСТРОЖСКОГО**

© 2012 г.

Е.В. Никольский

Московский госуниверситет геодезии и картографии

eugenius-08@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.01.2011

Сопоставляется оценка личности и деятельности князя Острожского, данная профессиональными историками и богословами, с его рецепцией в романе Всеволода Соловьёва «Княжна Острожская». Отмечается близость авторского восприятия личности магната Острожского к агиологической традиции.

Ключевые слова: исторический роман, XVI век, князя Острожские, Украина, Волынь, Польша, православие, католичество, авторское восприятие исторической личности.

В своем первом историческом романе «Княжна Острожская» русский писатель Всеволод Сергеевич Соловьёв (1849–1903) рассмотрел сложный и противоречивый период истории восточных земель Речи Посполитой в период (середина XVI века), предшествовавший унии православной и католической церковей. Помимо занимательной авантурной интриги, связанной с главной героиней произведения, княжной Гальшкой Острожской, данный роман примечателен также тем, что в нем выведен в качестве главного героя и известный деятель истории и культуры Украины, князь Константин Острожский. Мы в данной статье последовательно рассмотрим три аспекта, связанные с жизнью и деятельностью князя: его религиозно-политическую деятельность, нравственные качества и богатства.

Исторические сведения о нем до нынешнего времени не получили однозначного толкования¹, и поэтому для определения особенностей авторского взгляда Всеволода Соловьёва на деятельность знаменитого магната мы рассмотрим не только представленную в романе интерпретацию его личности, но и мнения историков и богословов о князе Константине.

Из исторических источников [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 11; 12] известно, что Константин Константинович Острожский (также Василий-Константин, Константин-Василий; 12 февраля 1526 — 13 февраля 1608) — князь из рода Острожских, киевский воевода — прославился тем, что основал Острожскую академию и типографию, в которой работали изгнанные из Московского государства, где им горзило сожжение на костре по обвинению в колдовстве, первопечатники Иван Федоров и Петр Мстиславец.

Будущий деятель украинской культуры детство и юность провёл в родовом Туровском замке. После смерти отца, князя Константина Ивановича Острожского, воспитывался матерью — Александрой Семёновной из рода Олельковичей-Слуцких. Получил хорошее образование в православном духе. Константин Острожский ревностно защищал православие² во время введения Брестской унии; заботился о развитии просвещения, издавая книги, учреждая школы, оказывая покровительство учёным [1; 2]. По его просьбе игуменом Дубенского монастыря, расположенного в его владениях, стал преподобный Иов Почаевский, духовник магнатской семьи. Украинская православная церковь Киевского патриархата на Поместном соборе 2008 года канонизировала его как благоверного³.

Религиозно-политическая деятельность Острожского — человека неординарного и, безусловно, выдающегося — в исторических и богословских сочинениях XIX–XX веков получила различные оценки. Одни авторы рассматривают его как своего рода предтечу современного экуменизма. Среди них — племянник писателя, греко-католический священник о. Сергей Соловьёв [3], М.А. Максимович [2], современный православный богослов-апологет о. Андрей Кураев [4]. К этой группе следует отнести также протоиерея Георгия Флоровского, который в своей книге «Пути русского богословия» писал, что «Острожский был скорее западным человеком. И, кроме того, он был общественным и национально-политическим деятелем, прежде всего, потому слишком часто бывал неосторожен и шел слишком далеко в вопросах примирения и соглашения, был способен на компромисс. Бесспорный ревнитель Православия, он

вместе с тем принимал известное участие в подготовке унии и дал повод и основание ссылаться на его сочувствие» [5, с. 45]. Лично Константин Константинович сначала был даже не против унии, но лишь при условии, чтобы она была провозглашена Вселенским собором, с согласия и одобрения восточных патриархов. Между тем некоторые епископы во главе с Ипатием Поцеем думали решить дело домашним способом, не спрашиваясь у патриархов, прямо по соглашению с римским папой. Завязавшиеся по этому поводу сношения между Острожским и партией униатов не привели ни к каким положительным результатам. Скоро отношения обострились настолько, что, как было ясно для иезуитов, соглашения быть не могло, и католическая партия решила проводить унию помимо князя Константина. Причины антиуниатской деятельности князя Острожского историк русской богословской мысли объясняет тем, что против унии он боролся тогда не потому, что видел в ней измену православной вере, но потому, что она была проведена без ведома и согласия Константинопольского патриархата и «вне сношений с Москвой, вследствие чего она не могла иметь ни общественного значения, ни авторитета» [5, с. 45].

Другие исследователи оценили деятельность Острожского с традиционалистически «охранительных позиций» (митрополит Макарий (Булгаков) [6]; митрополит Антоний (Храповицкий) [7]; украинские историки Д.А. Похилевич [8] и М.И. Малышевский [9]). Князя Константина трактовали исключительно как активнейшего ревнителя православия, подвижника благочестия и своего рода «аскета на троне». Такое представление о личности и деятельности Константина Острожского было использовано православной церковью Киевского Патриархата для обоснования совершившейся в 2008 году его канонизации в лике святых как благоверного и равноапостольного князя. Восприятие личности и деятельности князя Константина Всеволодом Соловьёвым близко взглядам представителей этого направления. Можно с большой долей уверенности предположить, что такие взгляды не противоречили мнению писателя. Князь Константин Константинович в романе «Княжна Острожская» противопоставит не только католическому движению на восток, но и деятельности протестанских⁴ проповедников и магнатов.

При оценке деятельности Константина Острожского романист придерживался традиционалистического направления. Для него князь Константин «был одним из надежнейших оплотов Православия. Его деятельность в этом направлении была неутомимая» [10, с. 15]. Со-

ловьев неоднократно отмечает, что именно Острожский оказал громадные услуги делу русской народности в Западной Руси. По словам писателя, он был центром, вокруг которого группировалась вся русская православная партия в Западной Руси. Своей типографией и школой он оказал значительную нравственную и культурную поддержку православию в борьбе с католицизмом, а своим влиянием и богатством был полезен ему в материальном отношении. Умный и способный от природы, Острожский понимал важность для Украины переживаемых моментов и напрягал все силы для борьбы с западноевропейской культурой, готовившейся, при помощи такого усовершенствованного аппарата, как иезуитский орден, поглотить западнорусскую народность. Писатель отмечал, что Острожский отрешился даже от личной карьеры: его редко можно было встретить при дворе, редко он участвовал и в походах, где легче всего было выдвинуться в то время. Все же свое влияние и все свои силы он направлял на защиту православия, которое в значительной мере обязано ему тем, что выдержало многовековую борьбу с католичеством и польским правительством.

Острожский (так он представлен в произведении) олицетворяет собой православную твердыню в осаждаемой католиками Волыни. Герой изображен в житийной традиции, с первых страниц романа он наделен не только родственными, но и духовными связями с православными святыми, являющимися покровителями всего русского народа. Романист заметил, что «род князя восходил к Владимиру Святому» [10, с. 5]. Соловьёв специально отмечает, что много было «славных и могучих вельмож на Литовской Руси. Каждый горожанин, каждый бедный землепашец с великим почтением произносил имена князей Радзивиллов, Ходкевичей, Сапег, Воловичей, Олельковичей-Слуцких. Но имя князя Константина Константиновича Острожского возбуждало повсюду даже благоговение — все литвины⁵, от Острога до Вильны, не иначе называли его, как «великим князем» [10, с. 8]. Между тем именно Константин Острожский получил в наследство «непоколебимую верность церкви православной и народности русской. Крепко и бодро отстаивал он святую веру и ее неприкосновенность, на которую со всех сторон поднимались козни вражеские» [10, с. 3].

Согласно описаниям романиста, на Волыни для православных христиан наступили очень трудные времена. Восточнославянское население, находившееся под сильным влиянием польской цивилизации, уже со времени соединения Литвы и Польши все более попадало под

влияние западноевропейских форм польской культуры и цивилизации. Западнорусские магнаты ранее прочих начали менять веру своих отцов и принимать католицизм; за ними последовали многие фамилии из среднего класса, и только крестьяне крепко держались православия, несмотря на все притеснения и угнетения со стороны своих помещиков-католиков. Быстрому окатоличению русского населения немало способствовала и Люблинская уния 1569 года, еще теснее соединившая Польшу и литовско-русское государство и давшая полную возможность полякам с большим успехом распространять католицизм среди православного русского населения. В таких условиях пришлось действовать соловьевскому герою.

Изображением добродетелей князя Константина писатель начинает повествование, используя для характеристики данного персонажа возвышенную песенно-былинную лексику, особенностью которой является постановка постоянного эпитета после определяемого существительного. Например, «козни вражеские» [10, с. 3], «оплот непоколебимый» [10, с. 9].

Всеволод Соловьев, характеризуя своего героя, писал, что его влияние распространялось и на многочисленное окружение магната. Если замок князя Константина Острожского и жизнь его двора поражали своей роскошью и широтой, то, по крайней мере, в Остроге нельзя было заметить распушенности нравов, царившей в тогдашнем обществе. Например, всеми людьми, жившими в родовом Острожском замке, соблюдались посты, исправно посещалась православная домовая церковь, «неутомимо преследовалось пьянство. Князь Константин видел только скромных женщин, приличных и почтительных мужчин. Он не мог не понимать, что многие его обманывают и тяготятся его присутствием и надзором: но он знал, что им употреблены все меры, что он сам подает добрый пример и что даже враги его не могут сказать, что в доме князя Острожского безнаказанно и открыто терпится разврат и безчинство» [10, с. 15].

Фабульное действие начинается с значимого для житийной поэтики эпизода освящения церковного придела в честь равноапостольных Елены и Константина, являющихся святыми покровителями главных героев романа – князя Константина и его племянницы, княжны Елены. Здесь стоит выделить историческую и агиографическую реминисценцию, возникающую при упоминании имен этих святых. Этот эпизод отсылает нас к раннехристианской истории, ко времени правления (начало IV столетия) римского императора Константина Великого и его матери, царицы Елены, прославившихся при-

знанием первенства христианства над язычеством, а также обретением христианской реликвии – креста, на котором был распят Иисус Христос.

Использование Всеволодом Соловьевым агиографических реминисценций проецируется на сюжет произведения, формируя в нем «житийные» мотивы. В житии, согласно установленным канонам, необходимо изображать героя или героев повествования или резко отрицательно, или однозначно положительно. Отрицательный персонаж в житии – всегда «злодей», герой положительный – идеальный, являющий собой всегда святого, ибо это – человек, воплощение всех христианских добродетелей.

Особо отметим, что портрет Константина также создан под значительным влиянием житийного стиля и показывает внутренний мир князя: «Он был довольно высокого роста и полон. Вокруг большого, прекрасной формы лба поредели и поседелели мягкие волосы, длинная борода еще больше блестела сединою; но в открытых голубых глазах, в свежем цвете лица и улыбке было много еще жизни, силы и здоровья. В счастливые минуты внутреннего довольства лицо князя поражало откровенной добротой и необыкновенной привлекательностью» [10, с. 17].

Психологический портрет также соответствует нормам житийной традиции, по которым в житии нет движения, роста, становления характера. Святой неподвижен, и в этом смысле он не имеет биографии. Точно так же по сюжету произведения Острожский предстает окончательно сформировавшимся человеком. Развитие его личностных свойств уже в прошлом: «Строгий к себе, **неуклонно прошедший** школу нравственного самоулучшения, он считает себя вправе быть строгим к другим...»⁶ [10, с. 8; выделено мною. – Е.Н.].

Романист подчеркивал общественное служение Острожского, заботы о просвещении народа: «Между городскими зданиями обращала на себя внимание школа, выстроенная князем Константином, а также его типография, которою заведовал бежавший из Москвы первый московский типограф Иван Федоров [10, с. 6]. Как писал Всеволод Соловьев, настоятельной потребностью для православного западнорусского населения было издание Священного Писания на церковнославянском языке. За это дело прежде всего и принялся князь Константин. Нужно было начать с устройства типографии. Острожский не жалел для этого ни денег, ни сил. Магнат «учредил в Остроге академию, несколько типографий, издал множество книг, в том числе Новый Завет, Псалтырь и, наконец, Библию, известную под названием Острожской» [10, с. 46].

Для рассмотрения рецепции личности князя Острожского в данном произведении нам необходимо соотнести соловьевский образ магната с традиционным агиологическим каноном, который включает в себя следующие композиционные (тематические) части: 1) рождение от благочестивых родителей; 2) проявление святости в детстве; 3) благочестивая юность; 4) искушения, труды, подвиги, чудеса; 5) добрая смерть; посмертные чудеса.

Соловьеский Константин – не преподобный, как его прадед, святой Феодор Острожский, не ратоборец-защитник, как его отец и бабушка, княгиня-воин Анастасия Слуцкая, а благоверный князь, то есть праведник мирного времени. Он выполняет долг перед Богом, соблюдая евангельские заповеди и сохрняя в замке традиции благочестия, отстаивая истины православия в своих владениях. Одна из важнейших, с точки зрения Соловьёва, заслуг Острожского заключалась и в том, что князь основал в своем вотчинном граде академию. Значение этой школы было велико. Кроме значительного нравственного влияния на западнорусское общество, кроме того, что из нее вышли главнейшие борцы за православную русскую идею в юго-западной Руси, она важна тем, что была единственным в то время высшим православным училищем, ведущим борьбу с унией и иезуитской пропагандой. В романе князь блюдет долг вассальной верности королю, заботится о нравственном просвещении и материальном благополучии народа, мудро управляет своими удельными вотчинами. Острожский опекает племянницу, крестника, князя Дмитрия Сангушко. Это все и есть его подвиги благочестия⁷. Автор упоминает о благочестивом роде Острожских и Слуцких, о наличии в нем канонизированных святых, о христианском воспитании Константина в детстве, сохранении им духовных заветов в юности. Однако Соловьёв не создавал агиологическое произведение (при жизни Соловьёва канонизации производились крайне редко и вопрос о прославлении князя в лике святых не ставился) и поэтому в «Княжне Острожской» отсутствуют упоминания о прижизненных и посмертных чудесах, но в финале кратко упоминается о смиренном терпении скорбей князем в его зрелые лета, о его мудрой старости и блаженной кончине праведного магната.

Писатель высоко оценивает князя именно как борца за веру своих прародителей: «Он отдал всю свою жизнь на служение Православию, на поддержание его и сохранение. И все, что дорожило в Литве отцовской верой, прибегало под его защиту, полагалось на него, как на оплот надежный» [10, с. 6].

Однако объективный анализ сохранившихся источников, проведенный историками XIX и XX веков, даёт возможность значительно уточнить данный взгляд на деятельность князя Острожского. Ведь всю свою долгую жизнь князь Константин и его семья крепкими нитями были связаны «с правящими кругами польско-литовского государства, с католической верхушкой. Жена К. Острожского Софья – дочь крупнейшего польского феодала, краковского кастеляна, графа Тарновского – была яркой приверженкой иезуитов, детей и внуков своих воспитывала в фанатично католическом духе» [11, с. 82]. По замечанию современного украинского историка К.Е. Дмитрука, «дети и внуки князя Константина Острожского оказались под влиянием его жены – фанатичной католички Софии Тарновской, которая, в свою очередь, уже в старческом возрасте были послушным орудием в руках Ордена Иисуса, в частности, одного из инициаторов унии – иезуита Бенедикта Гербста» [12, с. 161].

Вообще, связи с католическим духовенством были традицией украинского шляхетского рода Острожских. Отец князя – гетман и великий князь Литовский – еще в начале XV века в своем поместье в Остроге основал крупный католический монастырь Ордена св. Доминика, монахи которого вели настойчивую миссионерскую работу среди православных. Сам князь поддерживал доверительные отношения с папским нунцием в Польше А. Болоньи, луцким католическим епископом Б. Мациевским, видными иезуитами А. Поссевино, П. Скаргой и другими представителями Ватикана в Речи Посполитой. На первом этапе подготовки унии, на рубеже 80–90-х годов XVI века, Константин Острожский активно поддерживал представителей иезуитского ордена в их критике православного вероучения и необходимости объединения с католиками под эгидой апостольского престола. По этим вопросам он неоднократно беседовал с польскими и итальянскими богословами, отстаивал идею унии перед папой Григорием XIII в личной переписке и даже готовился к поездке в Рим, чтобы доказать курии необходимость «святого единства» западного и восточного христианства⁸.

В униальных проектах не поддерживал князя, правда, по совершенно иным мотивам, и король Сигизмунд Ваза. Будучи «сам рьяным поборником унии, польский монарх боялся дальнейшего укрепления личной власти и влияния Острожского на положение дел в стране. А они и так были весьма велики – магнат зачастую даже и не прислушивался к голосу своего правительства. Кроме того, королю претило откоро-

венное стремление богатого феодала приписать себе все «заслуги» в деле подготовки к провозглашению унии. Итак, князь, чего доброго, мог поставить себя выше короля» [12, с. 91]. Итак, мы наблюдаем некоторое расхождение между соловьевским представлением о церковно-политической деятельности Острожского и материалами историков.

Другим аспектом жизни Острожского, отраженным в романе, являются сказочные богатства князя, описание которых вызывает у современного читателя сомнения в их достоверности. Автор создал образ последнего феодала, последнего рыцаря эпохи, родственника монархов Речи Посполитой и Московского царства. Чтобы подчеркнуть особенное могущество князя, Вс. Соловьев подробно описал его владения, составлявшие особый *status in statu* в польско-литовском государстве: «Весь замок, с принадлежавшими к нему строениями... был обнесен высокой крепкой стеною, делавшей из него превосходную защищенную крепость. Гарнизон и артиллерия замка были настолько значительны, что всегда могли отразить сильное нападение. Если бы князь Константин почел нужным, он всегда мог бы собрать такое войско, с которым можно было бы идти на Краков. Князю принадлежало около тридцати городов, несколько тысяч деревень и несметное число слобод, хуторов и фольварков» [10, с. 7].

Украинский историк XIX века М. А. Максимович по этому поводу писал: «Любопытны сказания, передаваемые позднейшими польскими источниками о великом богатстве вельможнейшего из князей, князя Острожского, о чрезвычайной пышности, бывшей при его дворе и о прочем, — сказания, иногда слишком уж приукрашенные. Но лучшим украшением при его дворе, конечно, были училище и типография, заведенная им в 70-х годах XVI века. Острожское училище было первой на Руси греко-латинской школой для преподавания «вызвленных», или «вольных», наук, по примеру училищ латино-западных.... Личная жизнь Константина Константиновича и его высокие нравственные принципы у большинства людей его круга вызвали восхищение и уважение, а иногда и зависть». [2, с. 27]. Эти данные подтверждаются и современными исследователями, характеризующими Константина Острожского как «... одного из богатейших магнатов Речи Посполитой, владельца 35 городов, местечек и около 700 сел» [12, с. 97].

Итак, при осмыслении церковно-политической деятельности Острожского Всеволод Соловьев близок к той трактовке, которая сложилась у представителей консервативного направ-

ления русской гуманитарной мысли, это было вызвано спецификой славянофильского мировосприятия писателя, однако изображение сказочных богатств магната имеет уже документальный характер. В контексте проблематики данной статьи нам также хотелось бы специально отметить, что агиологические грани образа князя Константин в романе Вс. Соловьёва достоверны, подтверждением чему явилась произошедшая в 2008 году канонизация магната.

Примечания

1. Ангажированность князя в борьбе с унией (особенно после Брестских соборов 1596 года), его участие в передунятских и соборных событиях, представлявших наибольший интерес для историков, словно заслонили всю его долгую жизнь и создали метафизический образ са-мого богатого магната Руси, защитника и лидера православия, просветителя и мецената (в последнее время из него сделали еще и большого «патриота» Украины). Но образ этот далеко не исчерпывающий, поскольку не раскрывает ни всей масштабности его личности, ни ее противоречий, связанных с духом времени. К сожалению, фигура князя К. Острожского не заслужила в нашей науке какой-то значительной монографии: есть только небольшая книга Ивана Огиенко, изданная в 1958 г. в Канаде (переиздание: Митр. Іларіон. Князь Костянтин Острозький і його культурна праця. — Луцьк, 1992). Для сравнения: в Польше за последние десять лет вышли две монографии о князе и о роде Острожских, принадлежащие талантливому историку Томашу Кемпе из Торуня. В Москве в 2002 году защищена диссертация Леонида Соболева, посвященная раннему, наименее исследованному периоду биографии князя (название работы: «Князь К.-В. Острожский как лидер «русского народа» Речи Посполитой»). Получается, что за исключением нескольких незначительных публикаций украинской науке сегодня нечего сказать об одном из могущественнейших украинских магнатов, который в течение полувека существенным образом влиял на политическую и религиозно-культурную ситуацию в Восточной Европе.

2. Деятельность князя Острожского, не нашедшая отражения в романе, была разнообразной и богатой. Известно, что он принимал деятельное участие в церковном соборе в Бресте в 1596 году. О своем несогласии с официальной политикой Речи Посполитой неоднократно заявлял на сейме, обращался с письмами к королю, к православным епископам. Магнат оказывал поддержку учёному, львовскому священнику Василию, составившему книгу «О единой вере», и Христофору Бронскому, автору обширного сочинения против унии — «Апокрисис». Князь Острожский принял участие в событиях Смутного времени. В 1602 году принимал у себя будущего царя Лжедмитрия I. Вручил ему «Книгу о постничестве» Василия Великого, отпечатанную в его типографии Петром Мстиславцем в 1594 году с дарственной надписью «Григорию — царевичу Москов-

скому». Последние годы жил в родовых замках Крупы и Дубно на Украине. После кончины его тело было перевезено в Острог и похоронено в замковой Богоявленской церкви. Его могила сохранилась до наших дней и стала местом паломничества после канонизации князя.

3. Как гласит официальное заявление Украинской православной церкви Киевского Патриархата, «благочестивый князь Острожский выступал покровителем и строителем православной Церкви не только в Остроге или в собственных владениях, но на территории всей Киевской метрополии. На его поддержку и опеку могли рассчитывать монастыри и церкви, братства и типографии всех тогдашних украинских православных епархий. Несмотря на уговоры сильных мира сего к переходу в католичество, благоверный князь Константин дожил до глубокой старости, не изменив святому православию. Он мирно почил в Бозе 13 (26) февраля 1608 года, в Федорову субботу Великого поста, на 81-м году земной жизни. Современники, даже иноверцы, высоко чтити благоверного князя, называя его «верховным защитником и опекуном православной Церкви», «первым в Греческом законе», «великим любителем благочестия греческого», «большим утешением всего народа русского» и так характеризую его труды: «Православие наше начало было сиять, как солнце, люди ученые начали показываться в Церкви Божией, учителя и строители Церкви Божией и книги печатные начали множиться». За подвижнический труд благоверного князя Константина дом православных князей Острожских назван «бесценным камнем, бриллиантом сияющим, как свечильник... как малое солнце между звездами (перевод с украинского мой. – Е.Н.)» [13].

4. Согласно соловьевскому описанию, не с одними остатками язычества приходилось бороться князю Острожскому и иным ревнителям православия. В то время «...в высшие сословия, а затем и в народ начинали все больше и больше проникать новые учения, идущие с запада Европы. Соперником князю Константину по влиянию и могуществу был Николай Радзивилл Черный, канцлер великого княжества Литовского, двоюродный брат королевы Варвары и один из ближайших и влиятельнейших советников Сигизмунда-Августа. Радзивилл Черный принял евангелическо-реформатское исповедание и всеми мерами начал распространять его по государству. Он основал кирки в Вильне, Келецке, Несвиже, Орше, Минске, Бресте и во многих других городах, число которых простиралось до ста шестидесяти. Он выписывал известнейших в то время проповедников, и они разъезжали всюду и учили народ. Он устроил типографии и в большом количестве печатал духовные книги... Радзивиллу содействовали и другие вельможи: Сапеги, Ходкевичи, Кишки, Вишневецкие, Пацы, Войны и т. д. Король оставался совершенно равнодушным к этому движению и будто не замечал падения литовского православия и польского католичества» [10, с. 9]

5. В романе Всеволод Соловьев пользуется условным термином Литва, которым в XVI столетии именовали все области бывшего Великого княжества Литовского и Русского, воссоединившегося с Речью Посполитой в конце XIV столетия, литванами называли все польское население этого государства.

6. Согласно соловьевскому описанию, князь Константин, человек благочестивый и нравственный, строго относился к окружавшему его населению. Разумеется, он не мог переделать людей, не мог искоренить порчу нравов; «но, во всяком случае, все темное и грязное пряталось подальше от его взоров и страшилось его гнева. В бесчисленных закоулках его огромного замка, обитаемого сотнями мужчин и женщин, не обходилось без пороков и двусмысленных историй, но стоило только какой-нибудь истории достигнуть его слуха, – и виновные или наказывались, или, если они не подлежали наказанию, навсегда лишались княжеских милостей и изгонялись из замка. Только подчиняясь неизбежной крайности, князь Константин делал уступки. Так, например, его глубоко возмущали вошедшие в моду балы с новыми и, как ему казалось, непристойными танцами, с полной свободой обращения между мужчинами и женщинами, свободой, доходившей до непристойности. Он вырос в семействе благочестивом, свято хранившем традиции, гордившемся своими предками, берегшем родовую честь пуще зеницы ока. Он еще хорошо помнил патриархальную жизнь старого времени, и такая жизнь была его идеалом» [10, с. 89].

7. Наряду с мучениками и равноапостольными, преподобными и блаженными церковь прославляет также и благоверных князей, которые «употребили полученное от Бога величие и богатство для дел милосердия, просвещения, сохранение народных святень» [14, с. 53].

8. Князь Константин полагал, что только он и никто другой призван решать судьбу православия на Украине. Но была еще одна немаловажная причина, которая заставляла «начальника православия» проявлять беспокойство о состоянии церковных дел. На его землях действовало 600 православных церквей и 12 монастырей, которые приносили Острожскому огромные доходы. Как и в имениях других магнатов, священники, монахи, даже игумены и епископы были зависимы от феодала-землевладельца, выполняли любое его желание. Все это не могло не влиять на позицию богатого князя. Однако попытки «начальника православия» сыграть «первую скрипку» в осуществлении унии «...натолкнулись на сопротивление православных архиереев. Епископам надоело вмешательство светских лиц в дела Церкви, надоела мелочная опека князя, его постоянный контроль за их поведением и доходами, стремление диктовать свою волю даже по таким весьма далеким от него вопросам, как богословие, каноническое право, церковная догматика и пр. Более того, владыки-отступники хорошо понимали, что ни патриарх, ни его окружение, ни тем более народные массы не поддержат идею унии, а поэтому проводить ее надо совсем не теми методами, о которых мечтал Острожский» [12, с. 95].

Список литературы

1. Грушевский М. О. Історія України-Руси. Київ: Наукова думка. 1995. Т. 5. 670 с.
2. Максимович М. А. Письма к графине А.Д. Блудовой о князьях Острожских. Киев, 1848. 65 с.
3. Соловьев С.М.. Богословские очерки. СПб., 1916. 120 с.

4. Кураев А. Испытания, которые приходят справа. М.: Артос-пресс. 2005. 80 с.
5. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. 528 с.
6. Макарий (Булгаков). История русской церкви. М.: Изд-во Валаамского Спасо-Преображенского монастыря. 1999. Книга пятая. 560 с.
7. Никон (Рклицкий). Митрополит Анатолий Храповицкий и его время. Т. 1. Нижний Новгород.: Изд-во братства во имя святого Александра Невского. 2002. 620 с.
8. Похилевич Д.А. Уніатська церква – ворог українського народу. Львів: Слово 1960. 230 с.
9. Малышевский Н.И. Русь в борьбе за веру. М., 1903. 145 с.
10. Соловьев Вс. Княжна Острожская. М.: Эксмо, 1994. 380 с.
11. Гуслітий К. Нараси с исторії України. Київ: Освіта 1941. Вип. 3. 430 с.
12. Дмитрук К.Е. Униатские крестоносцы. М.: Политиздат, 1988. 360 с.
13. Діяння освяченого помісного собору Української Православної Церкви Київського Патріархату «Про канонізацію благовірного князя Костянтина Острозького». [Електронний ресурс]. URL: http://tisu.org.ua/ua/index/resources/church_doc/uocpk_doc/34662/
14. Азы Православия. Сборник материалов для новоначальных христиан. М.: Даниловский благовестник. 1995. 80 с.

VSEVOLOD SOLOVYOV'S INTERPRETATION OF PRINCE KONSTANTIN OSTROGSKI'S PERSONALITY AND ACTIVITIES

E.V. Nikolsky

We consider the vision by Vsevolod Solovyov (1849-1903) of the famous figure of the Ukrainian culture of the late Renaissance, Prince Konstantin Ostrogski. A comparative assessment is made of the Prince's personality and activities as described by professional historians and theologians, with the reception of Prince Konstantin in the novel "The Princess Ostrogska" by Vsevolod Solovyov. It is noted that the author's perception of Prince Konstantin is close to the hagiographic tradition.

Keywords: historical novel, 16th century, princes of Ostrog, Ukraine, Volynia, Poland, Orthodoxy, Catholicism, author's perception of a historical figure.